

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkii Arkhiv
 Has been issued since 1863.
 ISSN: 2408-9621
 E-ISSN: 2413-726X
 2017, 5(1): 12-32

DOI: 10.13187/ra.2017.1.12
www.ejournal16.com

UDC 93/94

Jews from the USSR write abroad (Letters and Diaries of World War II as a Historical Source)

Part I

Leonid L. Smilovitsky^{a,*}

^a The Goldstein-Goren Diaspora Research Center, Tel Aviv University, Israel

Abstract

This article is devoted to the little-studied topic of the correspondence abroad of Jews from the Soviet Union during the Great Patriotic War. It examines the renewal of mail correspondence of the Jewish families with the outside world, which – due to dramatic internal political changes in the USSR during the 1930s – had ceased until the summer of 1941. The author provides an analysis of Jewish letters from the USSR to the United States, Palestine, South Africa, Argentina, and Mexico. This correspondence offers a window into a number of different aspects of the Jews' experiences of the period: solidarity with the Red Army, the participation of Soviet Jews in the struggle against Nazism on the fronts of the war, Zionism, and Yiddish from the USSR. Particular attention is paid to such themes as the Holocaust, the search for relatives and the help of the Red Army, aid sent from Palestine, life after evacuation, and observance of the Jewish tradition. The letters of Jews from the Soviet Union abroad during 1941-1945 are an extraordinary phenomenon in the history of private military correspondence. The sympathy and attention demonstrated by tens of thousands of people from abroad helped the USSR overcome its international isolation and provided moral and material assistance, which significantly contributed to the ultimate victory of Soviet weapons over a common enemy.

Keywords: letters; sources of personal origin; World War II; the Great Patriotic War; the Red Army; the Jews; the Holocaust; Yiddish; evacuation; front; rear and hinterland; censorship.

Тема переписки советских евреев с зарубежными странами в годы Второй мировой войны до сих пор выпадала из поля зрения исследователей. Это удивительно, поскольку история антигитлеровской коалиции достаточно хорошо изучена и описана по обе стороны океана. Проблема открытия второго фронта, как и участие великих держав в борьбе с нацистской Германией, горячо обсуждались в средствах массовой информации и частной переписке в 1941, 1942, 1943 гг. и первой половине 1944 г. В центре общественного внимания всегда находилась тема ленд-лиза и огромных поставок вооружения и снаряжения, продовольствия и горючего. Советская пресса постоянно уделяла внимание действиям союзников на Тихом океане, в Азии и Африке. В Куйбышеве в 1942–1949 гг. Министерством

* Corresponding author
 E-mail addresses: smilov@zahav.net.il (L.L. Smilovitsky)

информации Великобритании по договоренности с советскими властями издавалась газета «Британский союзник» (Вачаев, 2015: 25–30). Выпускались почтовые конверты и открытки, марки, посвященные союзникам по борьбе с Гитлером и открытию второго фронта. Все это закономерно должно было подводить к мысли о наличии переписки с заграницей. Несмотря на это, научные издания и опубликованные коллекции писем на постсоветском пространстве не приводят таких примеров (Кринко и др., 2013; XX век: Письма войны, 2016). Даже сборники писем еврейских солдат, изданные в Российской Федерации в первой половине 2000-х гг., не дают подобных примеров (Сохрани мои письма, 2007–2016). Некоторым исключением может служить сборник, изданный в Яд Вашем в 2016 г. Правда, и там из ста опубликованных писем советских евреев приведено только несколько писем, направленных за границу (To Pour Out My Bitter Soul, 2016: 106, 109, 184–186).

Тем не менее, такие письма существуют. Их можно обнаружить в Яд Вашем, в Центральном сионистском архиве¹, Центральном архиве народа Израиля в Иерусалиме, Архиве рабочего движения им. Пинхаса Лавона в Тель-Авиве². Письма советских евреев за годы войны отложились в Вашингтоне³ и Нью-Йорке⁴. Наконец, письма хранятся в архивах израильских кибуцев⁵, где было много выходцев из России. Например, в кибуце Афиким, который раньше назывался «кибуц СССР», кибуцах Кинерет, Эйн Гев, Кфар Гилади, Бейт Лохамей-ха-Гетаот и др.

Никто не знает, сколько писем сохранилось в семейных архивах у потомков евреев, эмигрировавших из России и Советского Союза. В настоящей статье использована коллекция военных писем, которые собраны в архиве Центра диаспоры при Тель-Авивском университете в самое последнее время (2012–2017) и впервые вводятся в научный оборот.

Почтовое сообщение с внешним миром было искусственно ограничено Советским Союзом, начиная с 1929 г. Политика всеобщей коллективизации, индустриализации и сталинской культурной революции в СССР сопровождалась процессами над «врагами народа», русификацией и милитаризацией общества. Любая негативная информация не должна была просочиться во внешний мир. Фрагментарно частная переписка с заграницей еще продолжала существовать в 1930-е гг., главным образом за счет вновь присоединенных территорий – Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии. Примеры такой переписки можно обнаружить в книге Давида Ласкина, построенной на анализе нескольких десятков писем из его семейного архива, отправленных из местечек и городов Белоруссии и Украины в 1939–1941 гг. (Laskin, 2013). Советские граждане имели все основания опасаться последствий письменной связи с заграницей, поэтому фактически она сошла на нет к лету 1941 г. (Агапов, 2011: 198–209).

С началом войны ситуация изменилась. Поражения на фронте, огромные потери территории и ресурсов вынудили власти СССР бороться за выживание и изменить подходы во внешней и внутренней политике. Начался поиск сочувствия, поддержки и помощи у всех, кто ее мог оказать, были созданы антифашистские комитеты⁶. Были внесены изменения в советскую национальную и религиозную политику, начала выходить на идиш газета «Эйникайт»⁷, а Соломон Михоэлс послан во главе делегации еврейской интеллигенции

¹ Комиссия по вопросам СССР при Сохнуте, Лига «V», Отдел Алии, коллекции документов и материалов Биньямина Веста, Арье Ценципера и Ицхака Рабиновича.

² Отдел Алии, Гистадрута, Архив Биньямина Веста и др.

³ Holocaust Memorial Museum.

⁴ Д-р Альберт Каганович, University of Manitoba (Канада) высказал предположение, что письма советских евреев, написанные в годы советско-германской войны, могут храниться в архиве Хабада в Нью-Йорке.

⁵ Кибуцы – сельскохозяйственные коммуны в Израиле, с общностью имущества и равенством в труде и потреблении.

⁶ Антифашистские комитеты – общественные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (всеславянский, еврейский (ЕАК), советских женщин, советской молодежи, советских ученых), входившие в структуру Совинформбюро.

⁷ «Эйникайт» (с идиша – единство) – газета, выходившая с 7 июня 1942 г. по 21 августа 1943 г. в Куйбышеве и с 31 августа 1943 г. до 20 ноября 1948 г. в Москве. Орган ЕАК. Несмотря на свой пропагандистский характер, художественное творчество и публицистика газеты были пронизаны

в США, Канаду, Мексику, Великобританию собирать пожертвования в помощь Красной армии ([Еврейский антифашистский комитет, 1996: 197–203](#)). В этой связи снятие негласного запрета с частной переписки советских граждан с заграницей выглядело вполне логично. Значительная часть граждан, выехавших не по политическим мотивам из Российской империи и Советского Союза до и после 1917 г., были евреями. Именно эти люди и составили большинство участников иностранной переписки.

Возобновление переписки. Международная почтовая связь в годы войны сыграла важную роль в восстановлении и укреплении симпатий граждан многих стран мира к Советскому Союзу ([Агапов, 2012: 47–53](#)). Подчеркнем, что письма 1942 и 1943 гг. были написаны в условиях, когда окончательный исход войны был неясен. Смертельное противостояние двух военных гигантов – Советского Союза и Германии – в условиях отсутствия второго фронта достигло огромного напряжения.

Из содержания писем можно определить маршрут следования корреспонденции. Из Киргизии в Палестину и обратно письма направляли через Индию и Иран. Из Москвы в США – через Архангельск и далее, с помощью морского конвоя, через Атлантический океан. Такой обходной путь, занимавший много недель, был необходим, чтобы миновать театр военных действий. Судя по почтовым штемпелям на конвертах, письмо в одну сторону шло от трех недель до полутора месяцев. В условиях войны люди, писавшие за границу, не жаловались на работу почты. Важен был результат, чтобы письмо, в конце концов, попало в руки адресата.

Письма из Советского Союза за рубеж можно разделить на несколько групп:

1. Письма родным, членам одной семьи, оказавшимся по разные стороны границы волей исторических обстоятельств.
2. Письма в советские учреждения, в частности, в Еврейский антифашистский комитет в Москве (ЕАК) из Палестины, США и других стран, авторы которых были обеспокоены судьбой своих родных и просили сообщить их адреса в СССР¹.
3. Письма советских евреев, посланные в государственные учреждения и в ЕАК с просьбой оказать содействие в поисках родственников за границей².
4. Письма и запросы многочисленных землячеств выходцев из бывшей Российской империи и Советского Союза из США, Палестины, Канады, Аргентины в синагогу того или иного города (как единственный доступный в их понимании еврейский адрес)³.

Евреев из СССР, писавших за границу, условно можно разделить на две основные категории. К первой относились советские евреи, проживавшие в границах до 1939 г., а ко второй – еврейское население территорий, которые были включены в состав СССР в соответствии с пактом Молотова-Риббентропа после 23 августа 1939 г.

Понятно, что писем от второй категории было намного больше. Связи с родственниками у этой категории граждан еще не были утрачены, люди там еще не были настолько запуганы. В то же время многие семьи жили на средства, которые регулярно поступали от их кормильцев, выехавших в Америку и другие страны. С началом войны в эвакуации они оказались в наиболее бедственном положении, не были привычны

глубоким национальным чувством, что стало поводом для последующих репрессий в ходе разгрома еврейской культуры и антисемитской кампании 1948–1953 гг.

¹ В 1945 г. такое заявление поступило от Американско-еврейского комитета по оказанию помощи в восстановлении Белоруссии (American Jewish Committee to Aid Byelorussian Rehabilitation), представлявшего около миллиона евреев, выходцев из Белоруссии – 700 землячеств и общественных организаций ([ГАРФ. Ф. 8114. Оп. 1. Д. 843. Л. 103](#)).

² Самуил Гринфельд, эвакуированный в Киргизию, искал в Палестине Шмуэля Зеева Эйбореха; В.А. Безмозгин, эвакуированный в Уфу (Башкирия), просил помочь установить адреса своих родственников в Монреале (Канада); Хава Хамер, эвакуированная в Узбекистан, писала Юлии Спара в г. Генинсон (Мексика); Моше Калхгейм, эвакуированный в Красноярский край, нашел Иегуду Оренштейна в кибуце «Акива» около Петах-Тиквы (Палестина). Ш.И. Купершмидт из Дагестана сообщал, что очень многие евреи обращались к нему с вопросом, как наладить связь с родными в Америке, Англии, Бразилии и Палестине ([ГАРФ. Ф. 8114. Оп. 1. Д. 1174а. Л. 97–99, 101, 103, 135, 150](#)).

³ Например, «БССР, Минск, синагога, раввину». По свидетельству очевидцев и прихожан, такие письма вывешивались прямо у входа на дверях минской синагоги по ул. Немига ([Jewish Life in Belarus, 2014: 211–217](#)).

к физическому труду, не приспособлены к примитивному быту, не знали языка, местных обычаев, не имели возможности соблюдать еврейскую традицию (галаха)¹ и кашрут². По понятным причинам они требовали к себе дополнительного внимания и заботы.

Евреи, ставшие советскими гражданами после 1939 г., смелее обращались с просьбами в советские государственные инстанции, включая руководителей страны. Они надеялись найти понимание руководящих органов. При этом они искренне полагали, что имеют на это право и снимут бремя заботы о себе советских учреждений, отвечавших за устройство беженцев. Ответы на такие обращения были уклончивыми, но категорического отказа не содержали. Как в действительности сложилась судьба этих просителей, сведений не сохранилось, как и информации о том, что кто-то в СССР в годы войны получил право на воссоединение семей, проживавших за границей.

В 1943 г. Иосиф Лаутербах дал телеграмму на имя И.В. Сталина с просьбой разрешить его родителям выехать из Советского Союза в Палестину. Ему ответили, что желающие сделать такой шаг должны самостоятельно возбудить ходатайство перед органами милиции по месту жительства (CZA. A386-78). Перл Залманович, эвакуированная из Литвы в Якутию, в письме на имя председателя Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинина сообщала, что после смерти ее мужа в эвакуации осталась одинокой и беспомощной. Женщина просила разрешения выехать к родным братьям в Южную Африку, которые брали на себя все расходы, включая ее переезд из Советского Союза (CZA. A386-78).

Можно выделить следующие темы частной переписки с заграницей:

- поиск близких людей, родных и знакомых, земляков и сослуживцев,
- описание жизни в эвакуации, уход в армию,
- обмен новостями семейной жизни,
- рассказ о судьбе знакомых, коллег,
- оказание материальной помощи.

У нас нет сведений о том, был ли установлен советскими государственными органами какой-то определенный лимит на количество почтовых отправок за границу. Можно предположить, что такое ограничение существовало на посылки и бандероли, как и на перечень предметов, разрешенных к отправке в военное время. Не исключено, что лимит на отправку открыток и писем действительно имел место. Документы об официальном разрешении возобновить переписку с началом войны, пока не найдены. Однако, зная механизм принятия решения в Советском Союзе, нет никаких сомнений, что такие документы существуют. Поскольку без директивных указаний высшего партийного руководства страны подобные шаги Наркомата связи и Наркомата внутренних дел, отвечавших за почтовые связи государства, были невозможны (Советско-израильские отношения, 2000: 58–63). С другой стороны, не исключено, что прямой запрет отсутствовал, и переписка возобновилась стихийно. Ужасы войны, близость смерти и трудности эвакуации притупили у людей чувство страха. Когда первые смельчаки убедились, что письма за границу доходят до адресата, это придало смелости. Сыграло положительную роль и то, что в советской прессе появились сообщения о государственных контактах между великими державами. В Соединенные Штаты Америки, Канаду, Мексику, Палестину направились ученые, артисты, представители трудовых коллективов, были установлены связи между общественными организациями, возникли общества дружбы с Советской Россией, и переписка расширилась.

Язык переписки. Основным языком евреев, писавших из Советского Союза за границу, стал русский. Можно предположить, что такой выбор был сделан не случайно. Все зависело от уровня образования и культуры. Семьи Хацкевичей-Гольдбергов-Шнеер-Путерник переписывались на идиш и на английском языке с Южной Африкой (Йоханнесбург) и США (штат Флорида) из Свердловска (1941–1944), из Киева (1944–1947),

¹ Галаха – нормативная часть иудаизма, регламентирующая религиозную, семейную и гражданскую жизнь евреев, в узком смысле – совокупность законов, содержащихся в Торе и Талмуде.

² Кашрут – пригодность с точки зрения галахи относиться к широкому кругу юридических и ритуальных проблем: от правомочности свидетелей до ритуальной пригодности предметов культа, ткани, посуды и т.д.; в обиходе чаще всего связано с вопросом о пригодности пищи к употреблению.

и из Лудзы (Латвия) с США (1944–1947)¹. Семьи Должанских-Эпштейн и Бруссеров-Чечиков выбрали русский язык (Smilovitsky, 2015: 133–143). Должанские и Эпштейны свободно владели ведущими европейскими языками – немецким, английским и французским. Однако использование русского языка считалось предпочтительным, поскольку в СССР любое письмо, написанное не по-русски, привлекало внимание. Считалось, что это может задержать, вызвать дополнительную проверку, результаты которой в условиях войны могли оказаться непредсказуемыми. При появлении подозрений автора письма брали на заметку, а письмо становилось вещественным доказательством «крамолы». Опыт жизни в Советском Союзе безошибочно подсказывал людям линию поведения. Важно было сделать так, чтобы переписка не прерывалась и оставалась регулярной.

Однако в отдельных случаях русский язык оказывался единственным возможным для переписки. Роза Барбанель, эвакуированная из Ленинграда в татарскую деревню Каргали, в письме в Тель-Авив к Иегудит Лесем в Тель-Авив летом 1943 г. сообщала, что она забыла идиш и поэтому пишет по-русски, надеясь, что кто-нибудь в Палестине переведет это письмо (YVA. O. 39/70).

В каждом письме жила надежда на встречу. Ожидание победы знаменовало собой не только окончание экстремального состояния военного времени, возврат к нормам мирной жизни, реэвакуацию, рост материального благосостояния, работу по профессии, возможность дать образование детям в нормальных условиях, но и воссоединение семьи. Считалось, что все народы мира сделают необходимые выводы, чтобы подобная трагедия не повторилась. Границы откроются, люди будут свободно общаться, сами решать свою судьбу. К сожалению, этим надеждам не суждено было сбыться. Никто не предполагал, что разгром нацистской Германии приведет не к всеобщему послевоенному миру, а к новому этапу противостояния между Востоком и Западом, холодной войне.

Цензура. Большинство писем за границу отправлялись в открытом виде с помощью почтовых карточек в надежде, что это облегчит работу цензуры и ускорит сроки получения адресатом. Нужно видеть эти почтовые карточки, где бисерным почерком были изложены события семейной жизни и заданы вопросы, волновавшие людей на разных концах света. Поле почтовой карточки было ограничено площадью в 10 x 14 см – это требовало настоящего искусства, чтобы уместить максимум текста. Соображения экономии места требовали продумать каждое предложение и слово.

Письма, отправленные в конвертах, имели ограничения в весе, но там, в отличие от открыток, можно было написать подробнее. Если культурный уровень был достаточен, то это позволяло подробно передавать эмоциональные переживания, рассказать о буднях и надеждах. Такие письма дают представление об окружающей атмосфере, условиях жизни и работы в тылу. Многие из них очень трогательны по своему тону и передают бережное отношение к членам семьи, разделенным тысячами километров и международными границами.

Расчет властей делался на то, что участники переписки хорошо понимали, какую ответственность налагает письмо за пределы СССР. В письмах не найти обсуждения политического строя, не встретить и намек на предвоенные репрессии, депортации, конфискации, советизацию на так называемых вновь присоединенных после 1939 г. территориях, осуждения политики коммунистической партии и Советского государства. Зато можно было прочитать о преимуществах социализма перед капитализмом, правомности классовой борьбы.

В письмах за границу, по понятным причинам, мы не находим наименований фронтов, описаний военных операций, воинских званий и фамилий начальников и командиров, перечисления воинских частей, где проходила служба, маршрутов передвижений и мест дислокаций воинских частей. Такое легкомыслие без труда могло привести к обвинению в шпионаже. Участники переписки хорошо понимали, что проверка корреспонденция

¹ Гирш Хацкевич эмигрировал из России в 1906 г. в США, Муля Гольдберг жил в штате Флорида, Хайм Шнеер уехал в 1908 г. из Латвии в Южную Африку и жил в Йоханнесбурге; Хая Путерник выбрала в 1930 г. Палестину. Переписка между семьями в СССР продолжалась на протяжении многих десятилетий, включая довоенное, военное и послевоенное время. Письмо Арона Шнеера – Л. Смиловицкому. 25 декабря 2016 г. (Архив автора).

за рубеж носила всеобщий характер. Более того, цензура была двойной – советской и американской, или советской и английской, австралийской, канадской. Количество почтовых штемпелей на русском и английском языках подсказывало, сколько промежуточных этапов миновало письмо на долгом пути своего следования. Но для родственников, ожидавших писем из СССР, это было не суть важно. Важно было знать, что их близкие живы и здоровы, какое у них настроение, как они преодолевают трудности быта, оставаться в курсе событий личной жизни, деталей будней. В этих условиях упоминание о любой мелочи в письме, отправленном за тысячи километров от воюющей страны, дарило неповторимое ощущение заботы и внимания. Самоцензура была настолько велика, что при проверке почтовой корреспонденции трудно было найти что-либо предосудительное¹. В письмах нельзя было прочитать о тяжелом материальном положении, трудностях жизни в эвакуации, голоде, взаимоотношениях с местным населением, не говоря уже о конфликтах на национальной почве и критике властей. Однако, читая между строк, можно было о многом догадаться.

Сионисты² и идишисты³. Разрешение переписываться с Палестиной в период войны было по-своему знаменательно. Сионизм считался враждебной большевизму идеологией, поскольку доказывал необходимость исхода евреев из стран рассеяния и построения национального очага в Палестине. Идишисты, наоборот, доказывали, что евреи обретут свое счастье только в СССР и поэтому не нужно никуда ехать. Однако и они оказались неугодными советской власти. В начале 1930-х гг. политика идишизации была свернута, Еврейскую секцию при ЦК ВКП(б) распустили, а ее руководителей репрессировали. В этой связи восстановление легальной почтовой связи с Палестиной можно рассматривать как большую уступку со стороны Москвы великим державам. Бывших сионистов, включая тех, кто получил срок и отсидел в лагерях или отбыл в ссылке, начали призывать в Красную армию на общих основаниях. Сохранились письма этих людей, которые называли себя советскими патриотами, в то же время ощущали себя евреями. Палестина для них оставалась исторической родиной.

Израиль Семенович Фишкин (1904–1977) из Минска отбывал наказание за сионистскую деятельность (1936–1941) в лагерях Воркуты, был освобожден 6 июня 1941 г., а через две недели, 23 июня призван в армию. Провоевал до окончания войны⁴.

Гирш Нахманович Каплун (1904–1944) первый раз арестован в 1925 г. в Москве, отбывал наказание в Сибири, ссылку в Ташкенте (Узбекистан), Туле (Россия), Аральске (Казахстан), после отбытия срока наказания в 1943 г. призван в армию, служил в противотанковой артиллерии, погиб под Выборгом в июне 1944 г., прожив 40 лет, из которых тюрьма, ссылка и фронт составили 20 лет⁵.

Яков Моисеевич Скульский (1910–1944) из Одессы, первый раз арестован за сионистскую деятельность в 1929 г., переписывался со своей сестрой Басей, уехавшей в Палестину, сослан в Среднюю Азию сроком на три года с запретом въезда и проживания в течение последующих трех лет после ссылки в 12 крупных городах страны. В августе 1941 г.

¹ Нина Яковлевна Эпштейн в 1942–1945 гг. в письмах на фронт своему мужу, майору медицинской службы Якову Абрамовичу, никогда не упоминала Палестину. Вместо этого она сообщала, что написала Тамаре или Леониду или получила письмо от Тамары или Леонида, которые жили в Тель-Авиве. Таким образом, Яков понимал, что переписка с Палестиной продолжалась.

² Сионисты – сторонники объединения и возрождения еврейского народа на его исторической родине в Эрец-Эзраэль. Слово «сионизм» является производным от топонима Сион, который уже в книгах пророков использовался для обозначения Иерусалима, как духовного центра иудаизма.

³ Идишисты – сторонники еврейских коммунистических секций РКП(б), созданных для распространения коммунистической идеологии на идиш и вовлечения еврейского населения СССР в «строительство социалистического общества»; непримиримые противники Бунда (Всеобщего союза еврейских рабочих в Литве, Польше и России, еврейской социалистической партии в России, позже в Польше и США), других еврейских социалистических партий и сионистов.

⁴ И.С. Фишкин работал после войны юристом в Минске на второстепенных предприятиях Плодовощторг, Овощтрест, Мингортоп ([Архив Музея истории и культуры евреев Беларуси. Ф. 1. Оп. 1. Д. 115. Л. 4](#)).

⁵ Письмо Софьи Каплун, дочери Г.Н. Каплуна Л. Смиловицкому из Реховота. 13 мая 2014 г. ([Архив автора](#)).

Якова мобилизовали в Красную армию, он служил радистом, сапером, был награжден медалью «За отвагу» и орденом Славы 3-й степени, погиб в октябре 1944 г. под Ригой (Скульский, 1982–2012: 115–116). 11 марта 1944 г. Яков Скульский писал своей жене Гене со станции Муром Горьковской области: «Еду с верой и надеждой в скорую победу над врагом и окончание войны. Читала ли ты о предполагаемых переговорах Стеттиниуса¹ в Лондоне? Очень приятно было узнать, что в числе других будет разбираться также вопрос о Палестине. Уверен, что эти переговоры – последний торг Америки и Англии перед открытием второго фронта... С верой и надеждой на блестящее будущее человечества и нашего народа [евреев – Л.С.] желаю тебе здоровья и нашим детям» (Скульский, 1982–2012: 221).

Рис. 1. Сержант Яков Моисеевич Скульский, 1942 г. (Архив автора)

¹ Эдвард Стеттиниус – государственный секретарь США в 1944–1945 гг.

Рис. 2. Геня Скульская (Брохман) с детьми Моисеем (справа) и Эдиком (слева), 1944 г. (Архив автора)

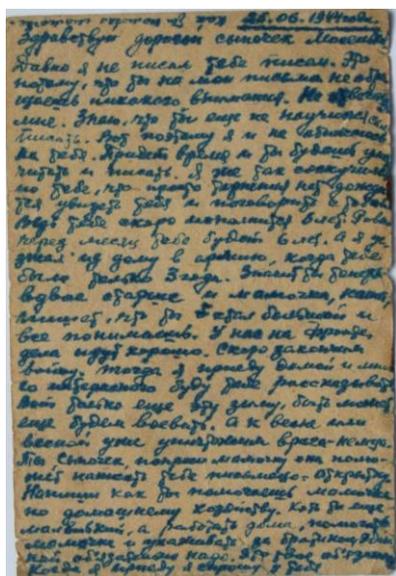

Рис. 3. Письмо Я.М. Скульского сыну Моисею. 26 июня 1944 г. (Архив автора)

Палестинское информационное бюро по делам еврейских беженцев в СССР в 1942 г. направило в адрес советских представительств в Стамбуле, Анкаре, Бейруте и Каире письмо солидарности и восхищения стойкостью и героизмом Красной армии. При этом отмечалась храбрость, проявленная евреями в составе Вооруженных Сил СССР в борьбе с немецким фашизмом. Также подчеркивалось, что палестинское еврейство, которое добровольно

послало тысячи своих сынов и дочерей в ряды Британских вооруженных сил сражаться против общего врага, готово принести всякую жертву для окончательного поражения нацизма. Одновременно выражалась надежда, что «советское правительство с симпатией отнесется к желанию еврейского народа восстановить свою национальную жизнь на основе равенства со всеми свободными народами и пожелает освободить ссыльных и арестованных евреев в СССР, задержанных за их сионистские взгляды и деятельность на ниве еврейской культуры и традиции...»

Рис. 4. Листовка 1943 г. «Медикаменты из Палестины в помощь Красной Армии» (CZA. A386/57).

Образ Палестины в письмах советских евреев. Палестина еще раз напомнила о себе после вступления Красной армии в 1944 г. на территорию Юго-Восточной Европы. Судьба евреев Болгарии, Румынии и Венгрии принципиально отличалась от того, что произошло с евреями Польши и Чехии, почти полностью уничтоженными нацистами. В письмах и дневниках советских евреев, рядовых и командиров Красной армии рассказывается, какое впечатление они произвели на местные еврейские общины. Общению помогал идиш, а Палестина упоминалась как место, которое может и должно стать убежищем всех евреев. Советские евреи в военных шинелях удивлялись сохранившейся национальной и религиозной жизни. Они не понимали, как буржуазное государство позволяло евреям придерживаться традиции, не чинило препятствия посещать синагогу, не говоря уже о том, что, в отличие от СССР, границы этих стран не были заперты на замок. Приведем два свидетельства.

Письмо капитана Наума Бейлина Гите Чарной. Румыния

7 октября 1944 г.

Здравствуй, Гиток!

Находясь в чужих краях, большим неудобством является незнание их языка. Мне же особенно досадно было бесчисленное множество раз от незнания своего родного еврейского языка [идиш – Л.С.]. Представителей этой национальности в румынских краях очень много. Узнавая во мне еврея, многие из них обращались, кто с излияниями радости нашего прихода, кто с вопросами о жизни в советской России, кто с удивлением, что я еврей и офицер, и многое другое. В одном городе евреи пригласили заночевать. Я дал согласие, и это стало большим семейным праздником. Все лучшее было на столе. Они старались предупредить мое малейшее желание, а когда я пошел отдыхать, мне предоставили постель со снежными простынями, колоссальными подушками и прочими вещами, от которых

я давно отвык. Глава семьи бодрствовал всю ночь, дабы меня никто не побеспокоил. Когда на рассвете следующего дня я уезжал, то вся семья провожала со словами, что если судьба снова забросит в их городок, то их дом для меня всегда открыт настежь.

Опубликовано: «Здравствуй, Гита». СПб.: Геликон Плюс, 2011. С. 438.

Письмо Бориса Александрович (Боруха Абрамовича) Орлова из действующей армии сестре Берте в Харькове.

31 марта 1945 г.

На днях я заходил в гости к румынским евреям. Живут неплохо, но большие эгоисты. Они, конечно, не знают, что такое война.

*Archive of military letters of the Diaspora Research Center, Tel Aviv University.
L. Smilovitsky's collection.*

Военный дневник Аркадия Тевелевича Лейзерава¹. Венгрия

7 марта 1945 г.

Все чаще слышишь это слово: «Палестина». Его произносят с надеждой. О ней думают, мечтают, как о земле обетованной. До 20 лет я рос, не зная слова «жид»... Я считал себя советским человеком. Только изредка анкетные листы напоминали о том, что мою мать звали Миррой.

Началась война, и об этом крепко сказали немцы. Не только мне. Сотням тысяч. Они разожгли звериную ненависть к евреям на оккупированной земле, они способствовали усилению шовинизма в советском тылу и на фронте. Они убили миллионы в Майданеке и Тростянце, Бабьем Яру и Освенциме, Треблинке и Панерях.

Я был в Панерях в октябре 1944-го. Там под ногами хрустят кости людей, а на песке можно увидеть длинные волосы женщин. В Вилкамиоле (Каунас) я видел человеческие трупы в ямах, оставшиеся после сожжения в гетто. И так повсюду. В Румынии мне рассказывали о еврейском концлагере в Вапнярке (Винницкая обл., Украина). Там после долгого перерыва я вновь услышал «Палестина». Его произнес старший официант в ресторане «Вильсон». Он очень хотел бы уехать в Россию, но... И вот здесь, в захудалом венгерском городишке, немолодой уже аптекарь, мечтает тоже о Палестине. Народ без Родины...

Музей истории и культуры евреев Беларуси (Минск).

Тема антисемитизма появлялась в письмах только иносказательно под видом обвинения нацизму. Однако между строк совершенно ясно прослеживается аналогия с советской действительностью.

Письмо И.С. Фишкина жене Л.Б. Бенцман в Минск

20 июня 1945 г.

Письмо это я написал в двух экземплярах; один из них я буду хранить. В этом письме вся моя душа... частично о судьбах еврейского народа. Подобное по духу письмо я написал Минке. А сейчас Минка пишет: «Вот уже несколько дней, как получил письмо Ваше. Где Вы пишете о судьбах нашего народа (речь идет о моем письме из Австрии от 3 июня, по получении первой бандероли с газетами «Эйникайт»). Да, судьба страшная! И кто знает, что еще нам предстоит? Простят ли нам, что мы дали человечеству К. Маркса, Капицу, Эйнштейна, Бизе, Мендельсона и Сен-Санса и многих-многих других еще? Еще много темных сил на свете, ненавидящих культурные ценности человечества... все, что связано с этим.

Архив Музея истории и культуры евреев Беларуси (Минск).

Ф. 1. Оп. 1. Д. 115. Л. 12.

¹ Арон Тевелевич Лейзеров (1922–2007) – белорусский юрист, доктор юридических наук, профессор Белорусского государственного университета, автор около 300 работ, в том числе 5 монографий. В 1944–1945 гг. командир зенитно-пулеметного взвода 38-го Отдельного дивизиона ПВО железнодорожных эшелонов (воевал на Ленинградском, 1-м и 3-м Украинских фронтах).

Кто должен был «простить», если письмо написано в июне 1945 г., т.е. после безоговорочной капитуляции Германии?

Военные действия. Письма за границу передают волнения и переживания родных за судьбу солдат Красной армии. С одной стороны, война возродила переписку с границей, придала ей новый мощный импульс. С другой – ее участники понимали, что без победы над Германией о встрече родных, не говоря уже о воссоединении семей, не могло быть и речи. Все, кто был на фронте, подвергался смертельной опасности и рисковал жизнью.

Большинство не скрывали, что их родные служат в Красной армии (Должанские, Эпштейны, Абрамовичи, Чечики, Князик, Файнштейны, Шейнины). В письмах Нины Должанской из Фрунзе к своей сестре Тамаре в Тель-Авив называются имена и фамилии родных, которые отправились на фронт, воевали или прибыли в отпуск по ранению, были награждены. Выражалась надежда на конечную победу, даже если она будет не скоро, терпеть придется еще долго и сопряжено с большими потерями (материальными, физическими и психологическими). Об этом написано прямо и еще больше читается между строк. Приведем примеры.

Письмо Ц.И. Файнштейн из Джезказгана (Казахстан) Моше-Ноаху Шейнину в г. Сиэтл (штат Вашингтон, США)

27 ноября 1943 г.

Дорогой брат!

Муж Лии призван в армию. С 23 июля 1941 г. от него ничего нет. Сын Аксельрода – инженер в армии, сыновья наши: мой – Эммануил и Ривы – Яков ушли в армию добровольцами с последнего курса университета. Когда Эммануила дважды ранили, его отозвал институт кончить учебу. Яня Карасик и поныне в армии. Живем с надеждой на скорое освобождение нашей прекрасной Родины от врагов всего прогрессивного человечества от фашистских извергов-людоедов. Крепко, крепко вас всех целую, ваша сестра и тетя Цива Файнштейн.

*Central Archives of the history for the Jewish People in Jerusalem (CAHJP).
F. P275-14.*

Письмо Самуила Чечика¹ из Свердловска сестре Розе Князик в Нью-Йорк

27 ноября 1943 г.

От тети Раи Воробейчик недавно получил письмо, она находится с младшей дочерью в Молотовской области. Пишут, что живут хорошо, но не от всех сыновей письма имеют. Из пяти человек – двое на фронте и трое работают на заводах.

Самуил Аронович Чечик
*Archive of military letters of the Diaspora Research Center, Tel Aviv University.
L. Smilovitsky's collection.*

Письмо Израиля Ароновича Чечика² сестре Розе Князик из поселка Колтубановский Бузулукского района Оренбургской области в Нью-Йорк

23 февраля 1945 г.

Уже четвертый год живем ничего, но имеем много неприятности, а главное, что нет известия от нашего старшего сына Левы³. Уже три года, как мы не знаем, есть ли он живой, и где-то или нет его в живых, все время тоскуем. Остальные дети находятся вместе с нами. Все они здесь учатся.

¹ С.А. Чечик – инженер, эвакуирован в годы войны из Ленинграда в Свердловск, родной брат Израиля Ароновича Чечика.

² И.А. Чечик – дедушка Леонида Смиловицкого по линии матери.

³ Лев Израилевич Чечик (1923–1943) родился в деревне Вересница Туровского района Полесской области Белорусской ССР, окончил 10 классов СШ № 1 города Речицы, имел освобождение по болезни, но настоял на операции и призыве в армию. Воевал на острове Рыбачий в Баренцевом море, Волховском фронте, пропал без вести при обороне Ленинграда в феврале 1943 г. По другим сведениям, умер от ран в госпитале (ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 977520. Д. 463. Л. 161).

Израиль Аронович Чечик
 Archive of military letters of the Diaspora Research Center, Tel Aviv University.
 L. Smilovitsky's collection.

Рис. 5. Лев Израилевич Чечик до призыва в Красную армию (1939) и во время службы (1941) (Архив автора)

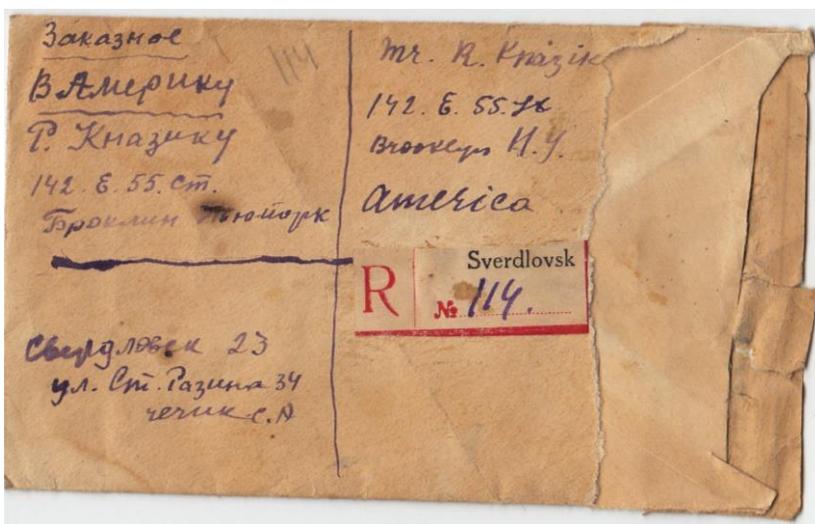
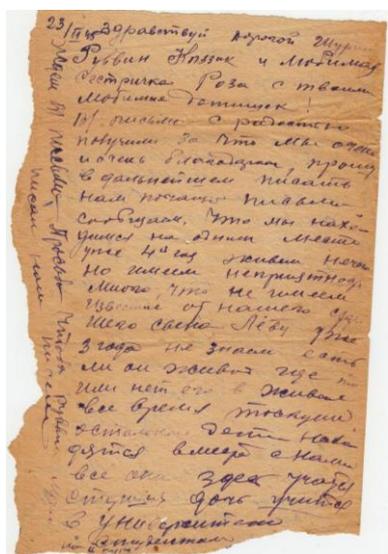

Рис. 6. Письмо Израиля Ароновича Чечика сестре Розе Князык (Чечик) в Нью-Йорк 23 февраля 1945 г. (Архив автора)

В семье Эпштейнов отец Яков был фронтовым хирургом¹, а его сын Георгий (Зорик), служил в танковой разведке. Зорик искал самые опасные места, быть пять раз ранен, но

¹ Яков Абрамович Эпштейн (1899–1976), кандидат медицинских наук, родился в Варшаве. Его отец как участник «Народной воли» бежал от преследований царского правительства в Болгарию. Яков

каждый раз возвращался на фронт и просился в еще более опасное место. Комплекс писем семьи Должанских-Эпштейн¹ представляет собой в миниатюре всю историю советского общества, начиная с эпохи окончания Гражданской войны в России, эмиграции за границу, сталинскими репрессиями. Мы встречаем в них иллюзии и надежды бывших эмигрантов, вернувшихся на родину, на построение гармоничного общества в СССР.

**Письмо Нины Эпштейн (Должанской) Тамаре Должанской
из Фрунзе в Тель-Авив**

20 декабря 1942 г.

Дорогая Тамара!

Мы все живы и здоровы, и бодры, и твердо уверены в скорой победе над ненавистным врагом. Яша уже полтора года на фронте. Пошел добровольно. Письма от него получаю. Зоря тоже добровольно уже второй раз на фронте. Первый раз был ранен и контужен. Потом поправился и вот месяца два, как снова ушел. Целую и обнимаю, Нина.

*Archive of military letters of the Diaspora Research Center, Tel Aviv University.
L. Smilovitsky's collection.*

Рис. 7. Хирург Яков Абрамович Эпштейн, 1944 г. ([Архив автора](#))

**Письмо Нины Эпштейн (Должанской) Тамаре Должанской
из Фрунзе в Тель-Авив**

1 мая 1943 г.

Сегодня первая весточка от тебя за пять лет, если не больше. Мы здоровы, работаем. Ты спрашиваешь, в Ленинграде ли Яша? Нет, он не в Ленинграде, а на Ленинградском

окончил Берлинский университет в 1925 г. После прихода нацистов к власти эмигрировал в СССР в 1933 г. За два года до этого в Москву переехала вся его семья – родной брат Лев с женой и ребенком и родители. Яков работал во Всесоюзном институте экспериментальной медицины (1935–1941). Брата Льва, сотрудника Наркомата вооружений, репрессировали в 1938 г., родители умерли, а сам Яков 4 июля 1941 г. вступил добровольцем в Красную армию.

¹ Яков Моисеевич Должанский (1864–1928) – профессор медицины, хирург, эмигрировал в Палестину в 1921 г. Тамара Яковлевна Должанская (1903–1964) – дочь Я.М. Должанского, педагог, жила в Палестине (1921–1964). Нина Яковлевна Эпштейн (1901–1970) – дочь Я.М. Должанского, педагог, училась в Берлинском университете, в 1933 г. возвратилась в СССР, жила в Ленинграде.

фронте, а Зоря на Южном. Рутик готовится к весенним испытаниям и переходит в 8-й класс. Она мой лучший друг, и советчик, и утешитель... Знайте, что я бодр, закалена, не падаю духом и знаю твердо, что фашизм скоро будет уничтожен. Целую вас всех.

Ваша Нина

*Archive of military letters of the Diaspora Research Center, Tel Aviv University.
L. Smilovitsky's collection.*

Рис. 8. Георгий (Зорик) Яковлевич Эпштейн, 1942 г. ([Архив автора](#))

**Письмо Нины Эпштейн (Должанской) Тамаре Должанской
из Фрунзе в Тель-Авив**

24 сентября 1944 г.

Дорогие мои!

Зоря ранен в руку, в локтевой сустав и в левое ухо. Награжден орденом. Сейчас он в госпитале. Дома пробыл два дня. Уверяет, что, как только снимут гипс, он опять направится на фронт, так как ему противны не только мужчины, но и женщины, сидящие сейчас в тылу (исключение он делает только для мамы)¹. Разыскала меня тетя Соня. Она была эвакуирована в Ульяновск, а недавно вернулась в Москву. У Нади убит старший сын, Володя, а в Ульяновске родилась дочка Наташа. Тетя Соня держится. На ее попечении девочка Дани (он в армии) и дети Бори, об остальных родичах она не писала. Вот это все новости.

Крепко, крепко целую всех, Нина

*Archive of military letters of the Diaspora Research Center, Tel Aviv University.
L. Smilovitsky's collection.*

¹ Георгий Яковлевич Эпштейн (1924–1945) – младший лейтенант, сын Нины и Якова Эпштейнов, родился в Берлине, эмигрировал с родителями в СССР в 1933 г., окончил среднюю школу в Ленинграде в 1941 г. Служил во 2-м танковом корпусе, умер от ран 2 февраля 1945 г., похоронен в г. Вольденберг ([ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 783. Л. 1](#)).

Рис. 9. Рут Яковлевна Эпштейн 1942 г.

В то же время часть авторов предпочитала умалчивать о своих волнениях и заботах. Они скрывали свои эмоциональные переживания, старались упрятать их от постороннего взгляда. Читая эти «странные» письма, нельзя было вообще догадаться о войне, о том, что каждый день гибнут тысячи людей, горят города, умирают от голода и болезней, смерть собирает свою страшную жатву, если бы не даты на конвертах – июль, август, сентябрь 1941 г. Разговор в них велся самый будничней, обсуждаются обыденные темы. Подобное поведение можно объяснить только опасениями потери общения с родными, что явилось бы дополнительным ударом ко всем несчастьям, которые обрушились на людей и страну с началом войны. Приведем пример.

**Письма Златы Залмановны Гуревич дочери Цере
из Ленинграда в Иерусалим**

19 июля 1941 г.

Дорогая моя доченька!

Пишу, придя со службы домой. У нас наступили очень жаркие погоды. Гринечка уехал на дачу. Я по нему очень скучаю. Как вы, мои дорогие, поживаете и как мой дорогой внучек? От папы привет. Напишите о здоровье вашем. Мои вам лучшие пожелания. Целую вас.

Ваша мать и бабушка Зина
САНЖР. Ф. Р 288-5.

1 августа 1941 г.

Дорогие мои дети!

Ваши письма от 6.07 и 18.07 поучила днями. Была очень рада им. Я по-прежнему работаю. Работа не тяжелая, и я с нею свыклась. От Гринечки имела сегодня письмо. Учительница пишет, что он чудесный мальчик. Дай Бог всем быть здоровыми. Все вам кланяются, мои дорогие. Дорогая доченька, продолжаешь ли ты работать в лаборатории. Целую вас, мои дорогие, много раз и благодарю Яшу за приписку. Папа кланяется.

Ваша мать и баба Зина
САНЖР. Ф. Р 288-5.

14 сентября 1941 г.

Дорогая моя доченька!

Давно тебе не писала. Очень прошу обо мне не беспокоиться. Я с Гриней и его матерью находимся в г. Омске. Гринечка думал, что он едет к Ионечке. Когда он приехал, то заплакал и сказал: «Где мой брат Ионя? Я хочу к нему». Здесь ему очень свободно, он бегаёт с ребятами и ест вдоволь морковь и вареную картошку, конфетки, печенье, кофе с молоком. Мясо, яички он никогда не любит. Будьте здоровы. Целую вас всех крепко. Обо мне не беспокойтесь.

Ваша мать

САНЖР. Ф. Р 288-5.

Рис. 10. Письмо Златы Гуревич из Ленинграда дочери Цере в Иерусалим 19 июля 1941 г. (Архив автора)

В первых двух письмах (19 июля и 1 августа 1941 г.) сохраняется иллюзия безоблачной мирной жизни и только в третьем письме (14 сентября 1941 г.) выясняется, что семья Гуревичей вдруг оказывается в юго-западной части Сибири за тысячи километров от Ленинграда. При этом ничего о том, как это произошло, как прошла эвакуация, что видели в дороге, как люди понимали свое будущее. Однако слова в письме о том, что четырехлетний ребенок в Омске вдоволь ест «морковь, вареную картошку, конфетки, печенье», а «мясо и яички он никогда не любит», позволяют сделать вывод об изменении рациона питания, когда животные жиры заменили овощи. Эти намеки родные за границей без труда читали между строк.

К категории «странных» относится еще одна группа писем, отправленных летом 1941 г. за границу, в которых ни словом не упоминается о начавшейся войне. Эти письма принадлежали евреям новых советских территорий, вошедших в состав СССР после 1939 г. За неделю до нападения Германии на Советский Союз НКВД депортировал в отдаленные районы страны тысячи так называемых «социально чуждых» советской власти граждан Литвы, Западной Белоруссии и Западной Украины. Несмотря на то, что высылка производилась не по национальному, а социальному признаку, значительная часть тех, кого посчитали неблагонадежными, оказалась евреями. Одновременно часть из депортированных евреев была обвинена в националистической деятельности¹.

10 августа и 15 октября 1941 г. Исаак Бурштейн направил два письма своему брату Элимеллаху Бурштейну в Петах-Тикву, в котором рассказал о высылке несколько десятков

¹ В справке 3-го Управления НКГБ СССР «О состоянии оперативной работы по разработке еврейского националистического подполья» от 15 июня 1941 г. говорилось, что еврейские националисты призывали к созданию убежища евреев в Палестине и борьбе с советской властью, пользовались активной поддержкой «Джойнта» и разведки Великобритании, собирали шпионские сведения (Органы государственной безопасности СССР, 1995: 74, 187, 233).

семей из Яново¹. Мужчин и женщин разделили и отправили в Алтайский край за 5 тыс. км двумя транспортами². Высылаемые совершенно не представляли своей участи. Исаак описывает, как перед отправлением он уговорил начальника эшелона не брать с собой престарелого отца, который мог не выдержать долгой дороги. Он не мог знать, что 26 июня 1941 г. немцы будут в Янове, и к августу 1941 г. большинство членов общины будут расстреляны, а оставшихся 208 евреев отправят в гетто Каунаса 22 октября 1941 г., где они тоже погибнут ([Российская еврейская энциклопедия. Т. 4. 2000: 510–511](#)).

В письмах в Палестину И. Бурштейна нет и намека на переживания за оставшихся родных в Литве. Вместо этого подробно перечисляются имена и фамилии земляков, которые благополучно доехали с ним до места назначения на Дальнем Востоке и приступили к работе, указывается их адрес³. Объяснение этому может быть только одно – опасение дать малейший повод цензуре не пропустить письмо в Палестину. Важно было сообщить за границу, кто остался в живых и где находится⁴. Расчет оказался правильным, письма Бурштейна в Петах-Тикве были получены ([Yonovo Sefer Izkor, 1972: 272–274](#)).

Вера в победу. Отличительной особенностью писем, отправляемых из СССР за границу в годы войны, была вера в победу. Это помогало жить и бороться, сохранить личное достоинство, укрепить уверенность, что все трудности будут преодолены, найти резервы, которые, казалось, были исчерпаны, вытерпеть невозможное. Демонстрация веры в победу над врагом отвечала общепринятой точке зрения, это было патриотично, приветствовалось властями и благосклонно принималось цензурой. Наконец, это придавало смысл всему происходившему, помогало найти объяснение встречавшимся препятствиям и недостаткам, придавало уверенности, что справедливость восторжествует. Приведем примеры.

Письмо Самуила Чечика сестре Розе Князик из Свердловска в Нью-Йорк

9 марта 1943 г.

Здравствуйте, мои дорогие!

Узнал Ваш адрес. Работаю в Свердловске. Люба с детьми эвакуирована в Вологодскую область, Израиль, Бела, Рая и Дора с семьями живут на станции Колтубанка Чкаловской области⁵. Все живы и здоровы. Фашисты нами уничтожаются. Скоро их полностью уничтожим и вернемся в наши родные края.

Целую всех вас Самуил Чечик

Archive of military letters of the Diaspora Research Center, Tel Aviv University.

L. Smilovitsky's collection

Письмо Нины Эпштейн (Должанской) Тамаре Должанской из Фрунзе в Тель-Авив

21 мая 1943 г.

Тамарушка!

Пиши, сестричка, мне обо всех и знай, что я сохраняю бодрость духа и верю, верю твердо и в скорую победу, и в скорую встречу с моим мальчиком и с Яшей. От Лени⁶ имела только телеграмму. Крепко люблю тебя.

Целую всех, Нина Эпштейн

Archive of military letters of the Diaspora Research Center, Tel Aviv University.

¹ Яново (Ионова) – районный центр, в 1918–1940 гг. – в составе Литовской Республики, в 1940–1991 гг. – Литовской ССР. В 1940 г. в Яново проживало около 3000 евреев, что составляло 60% всего населения города.

² В письме от 10 августа 1941 г. Исаак Бурштейн говорит об «экстренном эшелоне», который находился в пути с 17 июня до 10 июля 1941 г.

³ Комсомольская ферма Карповского совхоза Солонешенского района Алтайского края РСФСР.

⁴ В письме от 15 октября 1941 г. И. Бурштейна дается даже точное описание местности – в алтайских горах, 130 км от железнодорожной станции Бийск, на южном направлении от города Новосибирска.

⁵ Колтубанка – железнодорожная станция на линии Кинель – Оренбург, в 273 км к северо-западу от Оренбурга.

⁶ Леонид Яковлевич Должанский (1899–1948) – брат Нины Эпштейн (Должанской), врач, жил в Палестине с 1921 г., погиб в войне за независимость Израиля.

Письмо Ц.И. Файнштейн Моше-Ноаху Шейнину из Джезказгана (Казахстан) в г. Сиэтл (штат Вашингтон, США)

27 ноября 1943 г.

Дорогой брат!

Живем с надеждой на скорое освобождение нашей прекрасной Родины от врагов всего прогрессивного человечества о фашистских извергов-людоедов.

Крепко, крепко вас всех целую, ваша сестра и тетя Цива Файнштейн.

САНЖР. F. P275-14

Письмо Самуила Чечика сестре Розе Князык из Свердловска в Нью-Йорк

26 января 1945 г.

Мои дорогие!

Мы радуемся успехам по уничтожению ненавистного нам врага. Мы морально богаче ваших богачей. Наша сила не поддается измерению. Конкретно настроение у всех такое, чтобы фашизм германский с корнем уничтожить. Одобряю Ваше участие в работе Красного Креста. Прошу о нас не беспокоиться. Кто жив остался, будет счастливо жить. Мой сын Эрик (8 лет) пишет: «Папочка, работай хорошо, чтобы скорее фашистов уничтожить». Даже у ребенка мысли работают в этом направлении. Ненависть к фашистам до того велика, что даже дети ее выражают.

Целую вас всех за всех нас, Самуил Чечик

Archive of military letters of the Diaspora Research Center, Tel Aviv University.

L. Smilovitsky's collection

Люди, писавшие письма из СССР, хорошо понимали, что родные и друзья за рубежом не в силах существенно повлиять на их положение в советском тылу. Они хотели их успокоить, показать, что не теряют присутствие духа, полны сил и энергии. Лучшим средством для этого была демонстрация веры в победу. Только оптимизм внушал надежду, поэтому люди искали любой повод, чтобы подтвердить эти ожидания. Они делились в письмах тем, что читали в газетах и слушали по радио. Сведения, полученные из официальных источников, считались достоверными, ими участники переписки делились более охотно, чем собственными мыслями и наблюдениями. И это совершенно естественно для людей, которые жили в военное время. Нельзя забывать, что это были граждане, в несвободной стране, боровшейся за свое выживание. Отсюда возникает вопрос, насколько искренними были их патриотические заявления и уверенность в победе? Все это необходимо учитывать при оценке психологического состояния людей, писавших за границу.

Литература

[XX век: Письма войны, 2016](#) – XX век: Письма войны / Сост., вступ. статья, ред. С. Ушакин, А. Голубев, Е. Гончарова, И. Реброва. М.: НЛО, 2016 г. 839 с.

[Агапов, 2011](#) – *Агапов М.Г.* Истоки советско-израильских отношений: «Еврейский национальный очаг» в политике СССР в 1920–1930-е гг. Тюмень: «Вектор Бук», 2011. 322 с.

[Агапов, 2012](#) – *Агапов М.Г.* Движение в поддержку Советского Союза в еврейской Палестине в годы Великой Отечественной войны // *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования.* 2012. № 2. С. 47–53.

[Архив Музея истории и культуры евреев Беларуси](#) – Архив Музея истории и культуры евреев Беларуси.

[Вачаев, 2015](#) – *Вачаев С.П.* Тематические особенности изданий, ориентированных на союзников антигитлеровской коалиции // *Вестник Московского гуманитарно-экономического института.* 2015. № 2. С. 25–30.

[ГАРФ](#) – Государственный архив Российской Федерации.

[Еврейский антифашистский комитет, 1996](#) – Еврейский антифашистский комитет 1941–1948: Документированная история / Сост. И.А. Альтман, В. Дубсон, Г.В. Костырченко и др. М.: Международные отношения, 1996. 423 с.

[Кринко и др., 2013](#) – *Кринко Е.Ф., Тажиудинова И.Г., Хлынина Т.П.* Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945 гг.). Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2013. 360 с.

[Органы государственной безопасности СССР, 1995](#) – Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 1. Кн. 2: январь – июнь 1941 г. М.: Русь, 1995. 724 с.

[Российская еврейская энциклопедия, 2000](#) – Российская еврейская энциклопедия. Том 4. М.: Российская академия естественных наук, 2000. 536 с.

[Скульский, 1982–2012](#) – *Скульский Э.* Мы не с Луны свалились. Одесса – Гиватаим: [Б.и.], 1982–2012 гг. 406 с.

[Советско-израильские отношения, 2000](#) – Советско-израильские отношения. Сб. документов. 1941–1953. В 2-х кн. / Под ред. Б.Л. Колоколова, Э. Бенцура. Т. 1. Кн. 1. М.: «Международные отношения, 2000. 552 с.

[Сохрани мои письма, 2007](#) – Сохрани мои письма... Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны / Сост. И.А. Альтман, Л.А. Терушкин. М.: Центр и Фонд «Холокост»; МИК, 2007. 320 с.

[Сохрани мои письма, 2010](#) – Сохрани мои письма... Сборник писем евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 2 / Сост. И.А. Альтман, Л.А. Терушкин, И.В. Бродская; под ред. и с предисл. И.А. Альтмана. М.: Центр и Фонд «Холокост»; МИК, 2010. 328 с.

[Сохрани мои письма, 2013](#) – Сохрани мои письма... Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 3 / Сост. И.А. Альтман, Л.А. Терушкин, Е.В. Тестова; под ред. и с предисл. И.А. Альтмана. М.: Центр и Фонд «Холокост», 2013. 288 с.

[Сохрани мои письма, 2016](#) – Сохрани мои письма... Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 4 / Сост. И.А. Альтман, Л.А. Терушкин; под ред. и с предисл. И.А. Альтмана. М.: Центр и Фонд «Холокост», 2016. 288 с.

[ЦАМО РФ](#) – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.

[CZA](#) – Central Zionist Archives.

[Jewish Life in Belarus](#) – *Jewish Life in Belarus*. The final decade of the Stalin regime, 1944–1953. Budapest – New York: Central European University Press (CEU Press), 2014. 327 с.

[Laskin, 2013](#) – *Laskin D.* The Family: Three Journeys into the Heart of the Twentieth Century. New York: Penguin book, 2013. 400 с.

[Smilovitsky, 2015](#) – *Smilovitsky L.* Correspondence in Yiddish between personnel in Red Army and their relatives during Soviet German war, 1941–1945 // *Studia Zydowski Almanach (Jewish Studies. Almanac)*. 2015. №. 5. S. 133–143.

[To Pour Out My Bitter Soul, 2016](#) – *To Pour Out My Bitter Soul*. Letters of Jews from the USSR 1941–1945 / Edited by A. Zeltser. Jerusalem: Yad Vashem, 2016. 276 с.

[Yonovo Sefer Izkor, 1972](#) – *Yonovo Sefer Izkor*. Tel Aviv, 1972. 387 с.

[YVA](#) – Yad Vashem Archives.

References

[XX vek: Pis'ma vojny, 2016](#) – XX vek: Pis'ma vojny [XX century: Letters of war] / Comp., Introd. article, ed. S. Ushakin, A. Golubev. E. Goncharova, I. Rebrova. Moscow: NLO, 2016. 839 p. [in Russian].

[Agapov, 2011](#) – *Agapov M.G.* Istoki sovetsko-izrail'skih otnoshenij: “Evrejskij nacional'nyj ochag” v politike SSSR v 1920–1930-e gg. [The origins of Soviet-Israeli relations: “The Jewish National Center” in the policy of the USSR in 1920–1930-ies]. Tyumen: Vector Book, 2011. 322 p. [in Russian].

[Agapov, 2012](#) – *Agapov M.G.* Dvizhenie v podderzhku Sovetskogo Sojuza v evrejskoj Palestine v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Movement in Support of the Soviet Union in Jewish Palestine during the Great Patriotic War] // *Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal research*. 2012. № 2. P. 47–53. [in Russian].

[Arhiv Muzeja istorii i kul'tury evreev Belarusi](#) – *Arhiv Muzeja istorii i kul'tury evreev Belarusi* [Archive of the Museum of History and Culture of Jews of Belarus].

[Vachaeu, 2015](#) – Vachaeu S.P. Tematicheskie osobennosti izdaniy, orientirovannyh na sojuznikov antigitlerovskoj koalicii [Thematic features of publications aimed at allies of the anti-Hitler coalition] // *Bulletin of the Moscow Humanitarian-Economic Institute*. 2015. № 2. P. 25–30. [in Russian].

[GARF](#) – [Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii] State Archives of the Russian Federation.

[Evrejskij antifashistskij komitet, 1996](#) – Evrejskij antifashistskij komitet 1941–1948: Dokumentirovannaja istorija [Jewish Anti-Fascist Committee 1941–1948: Documented History] / Comp. I.A. Altman, V. Dubson, G.V. Kostyrchenko and others. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1996. 423 p. [in Russian].

[Krinko i dr., 2013](#) – [Krinko E.F.](#), [Tazhidinova I.G.](#), [Khlynina T.P.](#) Chastnaja zhizn' sovetskogo cheloveka v uslovijah voennogo vremeni: prostranstvo, granicy i mehanizmy realizacii (1941–1945 gg.) [Private life of a Soviet man in Wartime conditions: Space, Borders and Implementation mechanisms (1941–1945)]. Rostov-on-Don: Publishing house of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2013. 360 p. [in Russian].

[Organy gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR, 1995](#) – [Organy gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne. Sbornik dokumentov](#) [State Security Bodies of the USSR in the Great Patriotic War. Collection of documents]. Vol. 1. Book 2: January–June 1941. Moscow: Rus', 1995. 724 p. [in Russian].

[Rossijskaja evrejskaja jenciklopedija, 2000](#) – [Rossijskaja evrejskaja jenciklopedija](#) [Russian Jewish Encyclopedia]. Vol. 4. Moscow: The Russian Academy of Natural Sciences, 2000. 536 p. [in Russian].

[Skul'skij, 1982–2012](#) – [Skul'skij Je. My ne s Luny svalilis'](#) [We did not fall from the Moon]. Odessa – Givatayim: [s.n.], 1982–2012. 406 p. [in Russian].

[Sovetsko-izrail'skie otnoshenija, 2000](#) – [Sovetsko-izrail'skie otnoshenija. Sb. dokumentov. 1941–1953](#) [Soviet-Israeli relations. Collection of documents. 1941–1953]. / [Red. B.L. Kolokolova, Je. Bencura](#). Vol. 1. Book 1. Moscow: [Mezhdunarodnye otnoshenija, 2000](#). 552 p. [in Russian].

[Sohrani moi pis'ma, 2007](#) – [Sohrani moi pis'ma...](#) Sbornik pisem i dnevnikov evreev perioda Velikoj Otechestvennoj vojny [Preserve my letters... Collection of letters and diaries of Jews of the Great Patriotic War] / Comp. I.A. Altman, L.A. Terushkin. Moscow: Center and the Holocaust Foundation; MIK, 2007. 320 p. [in Russian].

[Sohrani moi pis'ma, 2010](#) – [Sohrani moi pis'ma...](#) Sbornik pisem evreev perioda Velikoj Otechestvennoj vojny [Preserve my letters... Collection of letters of Jews of the Great Patriotic War period]. Is. 2 / Comp. I.A. Altman, L.A. Terushkin, I.V. Brodskaya. Ed. and preface by I.A. Altman. Moscow: Center and the Holocaust Foundation; MIK, 2010. 328 p. [in Russian].

[Sohrani moi pis'ma, 2013](#) – [Sohrani moi pis'ma...](#) Sbornik pisem i dnevnikov evreev perioda Velikoj Otechestvennoj vojny [Preserve my letters... Collection of letters and diaries of Jews of the Great Patriotic War]. Is. 3 / Comp. I.A. Altman, L.A. Terushkin, E.V. Testova. Ed. and preface by I.A. Altman. Moscow: Center and the Holocaust Foundation, 2013. 288 p. [in Russian].

[Sohrani moi pis'ma, 2016](#) – [Sohrani moi pis'ma...](#) Sbornik pisem i dnevnikov evreev perioda Velikoj Otechestvennoj vojny [Preserve my letters... Collection of letters and diaries of Jews of the Great Patriotic War]. Is. 4 / Comp. I.A. Altman, L.A. Terushkin. Ed. and preface by I.A. Altman. Moscow: Center and the Holocaust Foundation, 2016. 288 p. [in Russian].

[CAMO RF](#) – [Central'nyj arhiv Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii](#) [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation].

[CZA](#) – Central Zionist Archives.

[Jewish Life in Belarus](#) – [Jewish Life in Belarus](#). The final decade of the Stalin regime, 1944–1953. Budapest – New York: Central European University Press (CEU Press), 2014. 327 p. [in English].

[Laskin, 2013](#) – [Laskin D.](#) The Family: Three Journeys into the Heart of the Twentieth Century. New York: Penguin book, 2013. 400 p. [in English].

[Smilovitsky, 2015](#) – [Smilovitsky L.](#) Correspondence in Yiddish between personnel in Red Army and their relatives during Soviet German war, 1941–1945 // *Studia Zydowski Almanach (Jewish Studies. Almanac)*. 2015. №. 5. P. 133–143. [in English].

[To Pour Out My Bitter Soul, 2016](#) – [To Pour Out My Bitter Soul](#). Letters of Jews from the USSR 1941–1945 / Ed. by A. Zeltser. Jerusalem: Yad Vashem, 2016. 276 p. [in English].

Yonovo Sefer Izkor, 1972 – Yonovo Sefer Izkor. Tel Aviv, 1972. 387 p. [in English].
YVA – Yad Vashem Archives.

УДК 93/94

**Евреи из СССР пишут за границу (письма и дневники
Второй мировой войны как исторический источник)**

Часть 1

Леонид Львович Смиловицкий ^{а *}

^а Центр диаспоры при Тель-Авивском университете им. Гольдштейна-Горена, Израиль

Аннотация. Статья посвящена малоизученной теме переписки евреев из Советского Союза в годы Великой Отечественной войны с заграницей. Рассказывается о возобновлении почтовой переписки с внешним миром, которая фактически прекратилась к лету 1941 г. в связи с драматическими внутривойсковыми переменами в СССР. Дается анализ писем евреев с США, Палестиной, Южной Африкой, Аргентиной, Мексикой, в которых отражалась солидарность с Красной армией, участия евреев в борьбе с нацизмом на фронтах войны, сионистах и идишистах. Особое внимание уделено отражению в переписке темы Холокоста, поиске родных и помощи Красной армии, направленной из Палестины, жизни в эвакуации, соблюдении еврейской традиции. Делается вывод о том, что письма евреев из Советского Союза за границу в 1941–1945 гг. представляют собой неординарное явление в истории частной военной переписки. Сочувствие и внимание, проявленные из-за границы десятков тысяч людей, помогли преодолеть международную изоляцию СССР, обеспечить моральную и материальную помощь и конечную победу советского оружия над общим врагом.

Ключевые слова: письма; источники личного происхождения; Вторая мировая война; Великая Отечественная война; Красная армия; евреи; Холокост; идиш; эвакуация; фронт; тыл; цензура.

(Окончание в следующем номере)

* Корреспондирующий автор
Адрес электронной почты: smilov@zahav.net.il (Л.Л. Смиловицкий)